

1. Массаж и проскар умирят аденому

— Что-то ты, Антоша, часто от меня ночью убегаешь! Уж не к соседке ли Наташке? Смотри у меня, любимый! Поймаю — отрежу или отстригу под корень твоё хозяйство и за окно собакам выброшу!..

Казанову было не до смеха. Ещё в конце прошлого века жена встревоженно допрашивала Казанова, что его беспокоит. Чистосердечное признание на боли в лобке ситуацию не улучшило. А частые позывы подавляли волю и гнали его в туалет днём и ночью через короткие промежутки времени. Отлучки за пределы квартиры стали похожими на опасные вылазки на враждебную территорию с трагикомическими последствиями. Супруга мягко упрекала мужа в нелепой скрытности и настояла, чтобы Антон Васильевич незамедлительно отправился к врачу.

Он позвонил одной особе, ранее в течение более четверти века приходившейся ему женой, к кому бы она рекомендовала обратиться с его проблемой. Смертельно оскорблённая его изменой крашеная брюнетка работала медсестрой на том же этаже городской поликлиники, где, по её словам, врачевал самый лучший в городе уролог Хорошев. И через пару дней этот самый-самый в своём скромно, по-советски, меблированном кабинете — столик да кушетка

под неглаженной простынёю — врач попросил Казанова добровольно спустить брюки и исподнее до колен и присесть голым задом на кушетку. После чего молитвенно склонился над обнажённой промежностью, уставившись очками в вялое мужское достоинство, и попросил его обладателя надавить-отпустить своими пальцами плоть у основания синюшной головки. При каждом надавливании влажные губки органа — по-рыбы беззвучно — разевались, словно хватая пропитанный лекарственными испарениями воздух.

— И как давно вас начали беспокоить резь и частые позывы к мочеиспусканию? — любопытствовал уролог, повывавший на своём веку подобные орудия производства более внушительных длин и калибров.

— Точно не помню. С месяц уже или чуть дольше.

— А с другими женщинами, кроме жены, до появления болей у вас половых контактов не было?

До третьей женитьбы левых контактов пациенту в прошлом веке хватало. Но вот уже полтора десятка лет как он дал себе слово, что после этой женитьбы он не совершит никаких левацких загибов от верноподданнического курса. К тому же вопрос уролога носил явно провокационный характер. Да и вроде выглядел лишённым здравого смысла: как будто чистосердечное признание могло даровать пациенту чудесное исцеление... А ответ Казанов на эту вольную или предумышленную провокацию положительно, как через полчаса раскроется врачебная тайна для его бывшей жены. И она только злорадно возрадуется униженью победившей соперницы, закрепив изменника в прежнем звании неисправимого кобеля.

Впрочем, врач ни на чём не настаивал и деловито предложил Казанову спустить трусы и брюки до щиколоток и встать в унизительно согбенную позу, расставив ноги на ширину плеч с упором ладонями в стену. После чего уролог, натянув на свой указательный палец резинку и окунув живой инструмент в пузырёк с маслом, нащупал между казановскими ягодицами анальное отверстие и загнал облачённый в резину *finger into his rectum*. А по-русски говоря, засунул палец в резиновом чехле в его интимное гнёздышко.

Что это,— прищурила глаз смешинка в мозгу пациента,— уж не фрагмент ли из священной «Камасутры» для современной телепрограммы Милашкиной «Жить хреново»?

Из тех каналов, напичканных рекламой «Виагры», которым всё до фени, лишь бы рейтинг рос — хоть на дрожжах, хоть на кале.

И в тот же миг мозг Казанова переключился на реставрацию эпизода из его многообразной — а местами и безобразной! — биографии. Тогда — почти полвека назад — он, советский офицер, засланный в Китай, на Ляодунский полуостров, заболел амёбной дизентерией и оказался в городе Дальнем, ныне Даляне, в инфекционном армейском госпитале. В тот же день угрюмый приземистый майор Дворкин через медсестру вызвал Антона в операционную, приказал скинуть кальсоны, взобраться голозадый прощельгой на высокий и узкий операционный стол и утвердиться на нём, согнув руки в локтях, а ноги — в коленях.

После этой акробатики майор-хирург в белом халате прицелился и ввёл ему в зад намавленную никелированную трубу ректоскопа. И надолго приник к окуляру, словно хотел узреть в зловонном пространстве небо в алмазах. И Антон, двадцатиоднолетний лейтенант, жертва своего подпорченного чтением классиков космического воображения, затрясся от смеха. Чем привёл ректолога-звездочёта в бешенство с пахнущими для юмориста смертью последствиями. Мстительный тип, лишённый чувств юмора и христианского смирения, подловил юного офицера на нарушении режима. Врач, проезжая в китайском тарантасе по узкой дороге в кукурузном поле, увидел Казанова на прогулке с белоэмигранткой по той же дороге. И в тот же день, не долечив, отправил лейтенанта из госпиталя в полк на гибель от амёбиазной дизентерии — второго в мире по уровню смертности заболевания после малярии.

Малярией, полученной в подарок от укусов комариными самками в вятском городишке Мамадыш, Казанов заболел в третьем классе на гражданке и продолжил претерпевать лихорадную трёпку весной и осенью в течение последующих шести лет, будучи кадетом военного суворовского училища. Правда, о столь устрашающей статистике Казанов узнал из Интернета лишь на восемьдесят шестом году своего пребывания на этом свете, углубившись в итоговую летопись им прожитых лет.

А сейчас — с шаловливым пальцем в интимном месте — семидесятилетний пенсионер Казанов только улыбнулся юношескому воспоминанию, когда другой — цивилизный — эскулап, не имеющий даже ректоскопа, раздумчиво

нащупывал что-то, поводя кончиком пальца там, во глубине фекальных руд, по чему-то овальному и гладкому. А выдержнув скользкий «пальпатор» на свободу, с явным удовольствием объявил и ежу известный приговор:

— У вас простата сильно увеличена. Похоже на аденому. Надевайте штаны — и на сегодня всё!.. Могу вам за плату сделать десятикратный массаж простаты и предложить за плату проскар — дефицитное японское лекарство. В аптеках вы его не найдёте. А как принимать — прочтёте в инструкции. При условии, что это останется между нами...

«Очередные алименты!» — призраком из прошлого мелькнуло в сознании Казанова. Некогда он смиренно принял и перенёс это восемнадцатилетнее наказание от райсуда за совершённое злодеяние в отношении своей первой жены и сына-первенца.

Врач снял очки и посмотрел вроде бы в лицо Казанова, но ему показалось, что взгляд эскулапа был направлен в только ему ведомое пространство. «Да у него же левый глаз стеклянный!» — сообразил Антон Васильевич с искренним сочувствием. И, с пузырьком таблеток проскара в кармане пиджака и с проблемой, где добыть деньги на продолжение лечения, удалился в турбулентное своей неопределённостью товарно-денежное состояние российской экономики. Его микроскопическая потребность в успокоении какой-то крохотной железы в ректальной втулке в ту переходную пору от социализма с человеческим лицом с прямым попаданием в жадную пасть капитализма — при годовой сто процентной инфляции, — равнялась миллионам «деревянных» рэ!.. Знать, наступила роковая расплата за какой-то малоприятный и унижительный массаж его секс-сердца, натруженного со времён офицерской молодости активным физически приятным общением с прекрасным полом.

А данное испытание пришлось на то время, когда он из донжуана превратился в заслуженного пенсионера, беззаветно верного своей третьей жене. Что бы случилось с ними, влюблёнными и преданными, если бы его голубка в тот год не работала бухгалтером в филиале «Мосбизнесбанка» и зарплату свою не доставляла домой дважды в месяц на крыльях любви в полной купюрами «авоське» вовремя? Тогда как ему за пенсией, заработанной сорокадвухлетней службой в армии и

трудом на производстве и легко помещавшейся в заднем кармане его брюк, приходилось охотиться на почте в микрорайоне Ветлужанка порой по десятку дней каждый месяц. А возвращаться в свою «двушку» на первом этаже ни с чем.

«Не дай вам Бог жить в эпоху великих перемен!» — проstonал некогда китаец Конфуций, с которым лейтенанту Казанову не довелось встретиться на Ляодуне. И вот они — великие перемены. Китай стал великим Китаем. И его могучность растёт как на дрожжах. Тогда как великий и могучий союз республик, решивших стать свободными, превратился в дурно пахнущий олигархическими испражнениями пепел. Ведь в момент обнаружения казановской аденомы простаты шло первое пятилетие после ГКЧП и падения коммунистического режима, когда инфляция в новой России галопировала в сторону нынешнего светлого будущего. И тоже наполненного инфляционными ожиданиями и свершениями под градусом американско-европейских санкций и военных угроз с запада и востока. И двадцатью тремя миллионами наших соотечественников, влачащими голодное прозябание и повторяющими в уме гамлетовский вопрос: «Жить или не жить?..»

Стремительный рост суицидов, сопровождающий падение жизненного уровня россиян, отвечает на эту дилемму в пользу самоубийства. Чеховская Каштанка, оказавшись без жилья и пищи, стояла перед таким же российским выбором. Ведь «если бы она была человеком, то, наверное, подумала бы: „Нет, так жить невозможно! Нужно застрелиться!“»

Однако Казанов был рождён колхозницей в голодный январь тридцать третьего года советским оптимистом. И хотя у него при обнаружении аденомы простаты под кроватью скрывалась незарегистрированная двустволка, оставшаяся после смерти тестя, он совету чеховской таксы не внял. А занял энную сумму у одной из тысяч своих прежних подчинённых — той самой Наташки, жившей в «однушке» за стенкой, — и стал потреблять проскар согласно инструкции. А Наталья на момент написания этих строк, по сообщению его бывшего сослуживца, умерла от рака груди, ни разу не родившей, а значит, и не кормившей сосунков старой девой.

Продолжение следует